

«Изучая край с точки зрения военной»: русские офицеры и интеллектуальное освоение Северного Кавказа времён Кавказской войны

Татьяна Колосовская

«Studying the region from the military point»: Russian officers and intellectual development of the North Caucasus during the Caucasus War

Tatiana Kolosovskaya
(North-Caucasus Federal University, Stavropol, Russia)

DOI 10.31857/S086956870010151-7

Постепенное продвижение и закрепление России на Кавказе в целом и на северных его склонах в частности активно разрабатывается в современной отечественной¹ и зарубежной² историографии. В том числе изучается и роль в этом процессе русской армии — её адаптации к местным условиям, участие в строительстве крепостей, давших начало городам, развитии местной инфраструктуры и проч.³ Затрагивались историками и отдельные аспекты научно-практической и культурно-просветительской деятельности офицеров Кавказской армии⁴. Но ещё только предстоит установить, какую роль они сыграли в изучении Северного Кавказа, какие способы и средства для этого использовали, какими мотивами руководствовались и какое воздействие полученные ими знания оказывали на изменение политики в регионе?

Изучение Северного Кавказа в России шло рука об руку с постепенным присоединением отдельных его частей к империи. Несомненно, важную роль при этом сыграли организованные Академией наук экспедиции и поездки отдельных учёных (И.А. Гильденштедта, С.-Г. Гмелина, П.-С. Палласа, Ю. Кла-

© 2020 г. Т.А. Колосовская

Исследование выполнено при поддержке РФФИ, проект № 19-09-00037.

¹ Дегоев В.В. Большая игра на Кавказе: история и современность. Статьи, очерки, эссе. Изд. 2. М., 2003; Дегоев В.В. Кавказ в составе России: формирование имперской идентичности (первая половина XIX в.) // Кавказский сборник. Т. 1(33). М., 2004. С. 28—47; Гордин Я.А. Кавказская Атлантида. 300 лет войны. М., 2014.

² Jersild A.L. Orientalism and Empire: North Caucasus Muslim Peoples and the Georgian Frontier, 1845—1917. Montreal, 2002; King Ch. The Ghost of Freedom. A History of the Caucasus. Oxford, 2008; Ходарковский М. Горький выбор: верность и предательство в эпоху российского завоевания Северного Кавказа. М., 2016.

³ Лапин В.В. Армия России в Кавказской войне XVIII—XIX вв. СПб., 2008; Матвеев О.В. Кавказская война: от фронта к фронтиру. Историко-антропологические очерки. Краснодар, 2015; Пылков О.С. Российская армия в трансформационных процессах на Северном Кавказе (конец XVIII — первая половина XIX вв.). Армавир, 2011.

⁴ Дзидзария Г.А. Ф.Ф. Торнау и его кавказские материалы. М., 1976; Загурский Л.П. Пётр Карлович Услар и его деятельность на Кавказе // Записки Кавказского отдела Императорского Русского географического общества. Кн. XII. Тифлис, 1881. С. I—LXXXIII; Косвен М.О. Материалы по истории этнографического изучения Кавказа в русской науке // Кавказский этнографический сборник. Вып. 1—3. М., 1955—1962; Клычников Ю.Ю. Российская политика на Северном Кавказе (1827—1840 гг.). Пятигорск, 2002.

прота)⁵. Тем не менее сведения о новых территориях требовалось постоянно уточнять, а их сбор был занятием далеко не безопасным. Политические настроения местных жителей отличались неустойчивостью. Значительная часть горцев не желала добровольно принимать российское подданство и с оружием в руках отстаивала свою независимость.

В Петербурге же понимали, что без точного представления о расселении северокавказских народов, их быте и обычаях, невозможно успешное проведение военных экспедиций, приведение к присяге непокорных и дальнейшее налаживание эффективной системы управления. А поскольку достоверной информации было крайне мало, в процесс изучения региона пришлось включить-ся армии.

Исследованием противника и театра боевых действий занимались офицеры Генерального штаба и чины Корпуса военных топографов. Во время рекогносцировок местности в обязанности состоящего при отряде штабного офицера входил осмотр дорог, рек, мостов, оврагов и т.п. для последующего нанесения их на карту. В дополнение к картам и планам составлялись «особенные описания», где излагались те обстоятельства, которые невозможно было передать с помощью штрихов и гравировки. «Руководство для офицеров Генерального штаба при войсках состоящих» предписывало при составлении таких описаний обращать внимание на особенности местного управления и вероисповедания, характер населения, его обычаев и нравов, специфику хозяйственной деятельности жителей, включая земледелие и скотоводство, промышленность и торговлю и т.д.⁶ Однако чёткие подготовки подобных обзоров отсутствовали. Как было сказано в «Руководстве»: «Чтение образцовых в сём роде произведений, навык изложения на бумаге мыслей своих и всего замеченного ясным и определительным образом, наблюдательный ум и зрелое суждение, — вот лучшие указатели к постановлению себе безошибочных правил для сочинения систематического и удовлетворительного описания целого края»⁷.

В РГВИА хранятся многочисленные рукописи, отражающие итоги исследования военными отдельных кавказских территорий⁸. Собранные в них данные топографического и статистического характера были необходимы российскому командованию для решения текущих практических задач. Они помогали выбирать места для закладки крепостей, прокладки дорог и дислокации войск, облегчали понимание противника, указывали, с кем и о чём можно договариваться. Конечно, как отмечал Н.И. Покровский, в кавказоведческой литературе того времени «встречаются имена русских писателей и учёных, западноевропейских путешественников и исследователей. Но, анализируя материал, который дают эти работы, мы почти всегда можем увидеть, что авторы заимствовали сообщаемые ими факты у представителей русской военной администрации, чаще всего у офицеров Кавказской армии»⁹. Среди известных кавказоведов были и те, кто непосредственно принимал участие в покорении региона¹⁰.

⁵ Лавров Л.И. К 250-летию академического кавказоведения в России // Кавказский этнографический сборник. Вып. VI. М., 1976. С. 3—10.

⁶ ОР РГБ, ф. 68, д. 49, л. 58 об.—59 об.

⁷ Там же, л. 60.

⁸ РГВИА, ф. 846, оп. 16, д. 18474; ф. 414, оп. 1, д. 300.

⁹ Покровский Н.И. Кавказские войны и имамат Шамиля. М., 2009. С. 27.

¹⁰ Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 г. Ч. I—III. СПб., 1869; Броневский С.М. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. Ч. I—II. М., 1823;

Иногда к составлению военных обозрений привлекались учёные. В начале 1829 г. начальник Главного штаба генерал от инфантерии гр. И.И. Дибич сообщил в Академию наук о намерении командующего на Кавказской линии генерала Г.А. Емануеля исследовать окрестности гор Эльбрус и Кинжал на р. Малке и предложил академикам «воспользоваться сим случаем для собирания точнейших сведений о стране той, в отношении к естественному положению и произведениям оной»¹¹. С высочайшего разрешения Академия наук командировала на Кавказ четырёх своих членов — А.Я. Купфера, Э. Ленца, Э. Менетрие и К. Мейера. Из-за кратковременности экспедиции и гористости местности возникли сложности с перевозкой больших и весьма хрупких инструментов. Поэтому Николай I одобрил проведение «преимущественно изысканий по части зоологической, ботанической и минералогической»¹², «физические же обозрения» рекомендовал «ограничить измерением высоты Эльбруса и по возможности магнитическими наблюдениями»¹³.

21 июля Емануель рапортовал в Главный штаб о том, что «экспедиция к обозрению ближайших окрестностей Эльбруса и прочих открытий, выступив со мной из Горячеводска прошлого июня 26 числа, возвратилась благополучно обратно»¹⁴. При этом генерал уведомлял как об обнаружении свинца, каменного угля, точильного сланца, алебастра, мела и соснового леса, так и о главном событии: «8-го числа июля вечером пехота и конница, преодолев все затруднения, достигла до самой подошвы Эльбруса и расположилась лагерем у самой реки Малки. 9-го числа июля все академики и другие изъявившие желание охотники взойти на Эльбрус отправились к самому снежному хребту сей горы. 10-го числа в третьем часу по полуночи, пользуясь благоприятной погодой, выступили все к исполнению предложенной цели, но после самых величайших усилий, достигнув выше половины Эльбруса, обратились назад. Один только кабардинец, по прозванию Хиляр, успел достигнуть около 11-ти часов самой вершины сей горы, на которой водрузил палку, с ним имевшуюся, и обложив её камнем, спустился обратно, показав первый возможность быть на высочайшей из гор в Европе, почитавшейся поныне неприступной»¹⁵. В итоге менее чем за месяц удалось собрать материалы о местной флоре и фауне, полезных ископаемых и высотах гор, которые в течение нескольких десятилетий служили основой для изучения региона в Академии наук. Широкий общественный резонанс в России и в Европе получило и первое документально подтверждённое восхождение на главную вершину Кавказа.

Высокий образовательный уровень и специальная подготовка некоторых военных позволяла им самостоятельно проводить научные исследования, не прибегая к помощи академиков. К их числу принадлежал топограф и геодезист Иосиф (Осип) Иванович Ходзько (1800—1881), происходивший из польских дворян Минской губ. и окончивший физико-математический факультет Виленского университета¹⁶. В 1840 г. по ходатайству командующего Отдельным

Дебу И. О Кавказской линии и присоединённом к ней Черноморском войске, или Общие замечания о поселённых полках, ограждающих Кавказскую линию, и о соседствующих горских народах. СПб., 1829.

¹¹ РГВИА, ф. 846, оп. 16, д. 1014, л. 2 об.

¹² Там же, л. 19.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же, л. 37.

¹⁵ Там же, л. 37 об., 40.

¹⁶ Там же, ф. 409, оп. 1, д. 133840, л. 416.

Кавказским корпусом генерала Е.А. Головина его вызвали в Тифлис для триангуляции Кавказа. В ходе этой работы ему довелось в 1850 г. совершить восхождение на Арарат.

В то время в крае имелось только несколько пунктов, определённых астрономически. На Ходзько как опытного геодезиста командование возлагало большие надежды, поскольку без проведения тригонометрического измерения невозможно было составить точные карты. Конечно, в горной местности, да ещё и в условиях перманентных боёв, осуществить задуманное было весьма сложно. Тем не менее, вспоминал Ходзько, «объезжая потом Закавказье и участвуя в военных действиях против непокорных горцев, я пришёл к убеждению, что правильная триангуляция всего Кавказского края есть дело трудное, но не невозможное»¹⁷.

Полевые наблюдения безостановочно производились с 1847 г. до осени 1853 г., начинаясь в апреле и оканчиваясь в ноябре или декабре. На протяжении 700 вёрст от горы Оштека, в верховьях реки Белой до Базар-дюза на границе Кубинского уезда Бакинской губ., военные топографы разместили 12 тригонометрических станций. Ещё 18 станций было оборудовано в южной части Закавказья. Все они находились или на снеговых вершинах, или на горах, свободных от снега не более двух—трёх месяцев. В первый же год выпавший в октябре глубокий снег завалил тропу, ведущую на гору Аглаган. Чтобы достичь её вершины, топографам пришлось прорубать в мёрзлом снегу узкий коридор длиной более 200 м и поднимать по нему вьюки с инструментами для геодезических наблюдений¹⁸. К тому же сами измерения нередко приходилось делать под обстрелом «немирных» горцев.

Однако полученные результаты заслужили высокую оценку научной общест-венности. Созданная для их анализа специальная комиссия Императорского Русского географического общества (РГО) констатировала, что «по трудности выполнения» и «по самоотвержению производителей» это исследование может «соперничать со всеми подобными работами, произведёнными где-ли-бо на земном шаре, не исключая индийской триангуляции, прославившей 25 лет тому назад имя Эвереста»¹⁹. Ходзько вручили Константиновскую ме-даль²⁰. Впоследствии, состоя по Кавказской армии, он всецело посвятил себя науке, длительное время являлся помощником председателя местного отдела РГО, публиковал статьи в местных и иностранных изданиях.

В условиях войны командование нуждалось в точных и разносторонних сведениях, прежде всего о неподконтрольных районах. Рекогносцировки во время военных экспедиций в горы не всегда приносили желаемый результат — часто самые важные сведения о дорогах, количестве населения и его образе жизни оставались недоступными. Поэтому приходилось прибегать и к «скрыт-ным обозрениям земель неприязненных нам горцев»²¹. Организация секрет-ных экспедиций осуществлялась под непосредственным наблюдением кор-пусных командиров, как правило, офицерами Генерального штаба. Наиболее

¹⁷ Ходзько И.И. Общий взгляд на орографию Кавказа // Записки Кавказского отдела ИРГО. Кн. VI. Тифлис, 1864. С. 235.

¹⁸ Там же. С. 237.

¹⁹ Там же.

²⁰ Пятидесятилетний юбилей И.И. Ходзько // Известия Кавказского отдела Императорского Русского географического общества. Т. I. Изд. 2 / Под ред. Д.И. Коваленского. Тифлис, 1894. С. 175.

²¹ Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Т. VIII. Тифлис, 1881. С. 308.

активно они практиковались в 1830-х гг. Тогда в горы Северо-Западного и Центрального Кавказа отправились поручик Г.В. Новицкий, штабс-капитан И.В. Шаховской и штабс-капитан Ф.Ф. Торнау. Одновременно на Северо-Восточном Кавказе действовали отряды поручика Г.С. Гордеева, полковника Ф.И. Гене, штабс-капитана В.И. Мочульского и подполковника А.И. Бергенгейма²². Преимуществом «скрытных обозрений» были минимальные материальные и людские затраты при получении максимально достоверной информации об этническом составе, расселении и особенностях хозяйственной деятельности населения. При этом большинство офицеров-разведчиков были узнаны, некоторые попали в плен, иные лишились жизни. В конце 1830-х гг., после гибели русских офицеров в горах Дагестана, командующий Отдельным Кавказским корпусом Е.А. Головин признал необходимым прекратить тайные рекогносцировки и дальнейшие обозрения вести лишь в ходе военных экспедиций²³.

Между тем в начале 1830-х гг. по распоряжению Николая I в Департаменте Генерального штаба развернулась работа по составлению сводного труда, обобщающего последние сведения о горцах центральной и северной частей Главного Кавказского хребта, восточного побережья Чёрного моря и Дагестана²⁴. Так появилась рукопись И.Ф. Бларамберга (1800—1878), которая по уникальности и достоверности сведений и в настоящее время служит ценным источником для научного изучения этнической истории и традиционной культуры Кавказа²⁵. О тех или иных народах в ней, конечно, сообщалось с разной степенью подробности, но она вполне отражала сложившееся в горских обществах культурное многообразие. Таким образом, офицеры Генерального штаба перешли от решения текущих практических задач к формированию основ этнографического кавказоведения.

Наряду с созданием обобщающих трудов Генеральный штаб координировал работу по описанию отдельных территорий. В условиях военного времени командованию было важно владеть информацией об обороноспособности различных участков Кавказской линии, о местностях, через которые горцы осуществляли нападения на гражданские поселения. Некоторые сочинения офицеров Генерального штаба, содержавшие топографические, статистические, этнографические и отчасти исторические данные, появились уже в 1820—1830-х гг.²⁶ Но большая их часть так и осталась в рукописях²⁷, в том числе и

²² Подробнее см.: *Колосовская Т.А.* «Скрытные обозрения земель неприязненных нам горцев»: разведывательная деятельность российских военных на Кавказе в 30-е гг. XIX в. // *Армия и общество*. 2013. № 1(33). С. 175—182.

²³ *Вейденбаум Е.Г.* Кавказские этюды: Исследования и заметки. Тифлис, 1901. С. 297.

²⁴ РГВИА, ф. 846, оп. 16, д. 1060, ч. 1—2.

²⁵ *Бларамберг И.Ф.* Историческое, топографическое, статистическое, этнографическое и военное описание Кавказа / Пер. И.М. Назаровой. М., 2005.

²⁶ *Новицкий Г.В.* Географическо-статистическое обозрение земли, населённой народом адехе // Тифлисские ведомости. 1829. № 22—25; *Неверовский А.* Краткий взгляд на северный и средний Дагестан в статистическом и топографическом отношениях. Отрывок из рукописи полковника Неверовского, помещённый в пятой книжке Военного журнала за 1847 год. СПб., 1847. Подробнее см.: *Косвен М.О.* Материалы по истории этнографического изучения Кавказа в русской науке // Кавказский этнографический сборник. Т. 1. М., 1955. С. 266—374.

²⁷ См., в частности: «Военно-статистическое описание Гурии, Имеретии, Кахетии, Мингрелии и Сванетии» И.В. Шаховского (1838), «Краткий обзор горным племенам, живущим за Кубанью и вдоль восточного берега Чёрного моря от устья Кубани до устья Ингура» Ф.Ф. Торнау (1839),

сравнительно мало известное исследователям «Статистическое описание частей Ставропольского и Пятигорского округов, составленное Генерального штаба штабс-капитаном Калмбергом в 1834 г.»²⁸. В 1834 г. Г.К. Калмберг был направлен с инспекторской поездкой на левый фланг Кавказской линии для сбора сведений о военном и хозяйственном состоянии расположенных там казачьих станиц и крепостей. В подготовленном им подробном отчёте отмечались недостатки в организации кордонной службы казаков, случаи «нерадения», неустроенность станичного быта. Эти данные учитывались при реорганизации полков Кавказского линейного казачьего войска, а в дальнейшем стали ценнейшим источником для реконструкции их повседневной жизни²⁹.

С 1845 г. профессор Императорской Военной академии подполковник (с 1847 г. полковник) Д.А. Милютин, в конце 1830-х — начале 1840-х гг. служивший в Отдельном Кавказском корпусе, читал курс лекций по военной статистике Кавказа³⁰. Отдельные его части посвящены характеристике Кавказской линии, Черноморской береговой линии и Дагестану. Изучая край «с точки зрения военной», Милютин обращал внимание на особенности климата и топографии, включая «все видоизменения местности от высших снеговых гор и диких, ужасных ущелий до равнин совершенно плоских, даже степных и безводных»³¹, а также на разнообразие «в отношении этнографическом». Это было планомерное, всестороннее и аналитическое исследование, позволявшее понять региональную специфику, выявить причины ошибок и неудач в российской политике и наметить «различные меры» по «водворению спокойствия». «Покорить весь Кавказский край одним ударом — есть предположение несбыточное, — констатировал Милютин. — Надобно искать средства не столько для покорения всех частей края, сколько для постоянного удержания в покорности частей уже занятых». К их числу относилось не только ведение боевых действий, но и развитие торговли, прокладка дорог, строительство укреплений и основание российских гражданских поселений. Однако, по мнению профессора, «ни одна система не может быть принята исключительно для всех частей края и во всех случаях; но каждое средство может быть с пользою употреблено в своём месте, сообразно с местными условиями и обстоятельствами». Собственно «сущность дела заключается не столько в выборе системы, сколько в умении каждый способ применить в своем месте и своевременно». А для этого военной администрации необходимо обладать «совершенным знанием края». «Вот, — заключал Дмитрий Алексеевич, — сущность всей войны Кавказской: основания её, как видим, весьма простые, но в самом исполнении она требует искусства особого рода — доступного, конечно, не всякому»³². Многие из тех,

«Война на Кавказе и в Дагестане» В.И. Мочульского (1844): РГВИА, ф. 482, оп. 1, д. 193; ф. 38, оп. 7, д. 17; ф. 846, оп. 16, д. 6528.

²⁸ Государственный архив Ставропольского края, ф. 79, оп. 1, д. 1508.

²⁹ Попко И.Д. Терские казаки со стародавних времён: Гребенское войско. Нальчик, 2001; Великая Н.Н. Казаки Восточного Предкавказья в XVIII—XIX вв. Ростов н/Д, 2001; и др.

³⁰ Милютин Д.А. Краткий очерк Кавказского края в военном отношении: из лекций полковника Милютина в Императорской Военной академии. СПб., 1848.

³¹ Там же. С. 5.

³² Там же. С. 99—116. См. также: Колосовская Т.А. «Руководствоваться многолетнею опытностью предшественников»: Д.А. Милютин и изучение истории Российской политики на Кавказе (1840-е годы) // Новый исторический вестник. 2016. № 1(47). С. 6—19.

кому довелось слушать лекции Милютина, впоследствии формировали и воплощали политику империи на Кавказе.

С конца 1840-х гг. по единой программе, утверждённой военным министром кн. А.И. Чернышёвым, для нужд армии составлялось «Военно-статистическое обозрение Российской империи». Кавказ занимал в нём весь XVI том. Первая его часть, посвящённая Ставропольской губ.³³, была подготовлена капитаном Генерального штаба Н.Н. Забудским (1822—1872). Окончив в 1844 г. Императорскую Военную академию, он был направлен в 1846 г. на Кавказ, где за 20 лет прошёл путь от старшего адъютанта до обер-квартирмейстера и начальника штаба правого фланга Кавказской линии³⁴, в 1863 г. имел уже чин генерал-майора. В своей работе Забудский показал неоднородность хозяйственного уклада губернии, где развивались земледелие, скотоводство, пчеловодство и шелководство, а многочисленное население существовало отнюдь не только за счёт разбоев и грабежа.

И всё же широкие круги общественности имели слабые и смутные представления об окраинах. Военно-статистические исследования до середины XIX в. не публиковались, и о Кавказе публика судила «по нескольким повестям да рассказам людей, приехавших на Пятигорские воды»³⁵. При этом в Европе активно издавались работы Э. Спенсера, Дж. Лонгворта, Т. Лапинского и др., в которых Россия изображалась агрессором, угнетающим свободолюбивых горцев³⁶. Петербург открыто обвиняли в «сокрытии действительного состояния дел в этом крае»³⁷, покорение которого объяснялось «ненасытным властолюбием и жаждой завоеваний одного единственного человека, императора России»³⁸.

В ответ на подобные обвинения в Военном министерстве в 1840-х гг. задумали выпустить научный труд, раскрывающий причины и обстоятельства присоединения Кавказа³⁹. Первоначально предполагалось, что его напишет Милютин, приступивший в 1849 г. к подготовке «Истории военных действий на Кавказе, в Азиатской Турции и против Персии»⁴⁰. Его помощником стал капитан Генерального штаба Д.Х. Бушен, которому поручалось выявление документов в архивах Петербурга, Москвы и Кавказа⁴¹. По словам Милютина, «Россия не хотела быть в отношении к Кавказу тем, что были Испания, Португалия и сама Англия для своих колоний в Африке и в Америке», и именно поэтому «успехи нашего владычества на Кавказе имели и благотворное влияние на самый край: они представляют человечеству утешительную и беспримерную картину бес-

³³ Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т. XVI. Ч. 1. Ставропольская губерния. СПб., 1851.

³⁴ Глиноецкий Н.П. Исторический очерк Николаевской академии Генерального штаба. СПб., 1882. С. 263.

³⁵ Фадеев Р.А. 60 лет Кавказской войны. М., 2007. С. 145.

³⁶ Подробнее см.: Дегоев В.В. Россия и Кавказ XVIII — первой половины XIX вв.: взгляд с Запада // Дегоев В.В. Большая игра на Кавказе... С. 54—116.

³⁷ Спенсер Э. Описание поездок по Западному Кавказу, включая путешествие через Имеретию, Мингрелию, Турцию, Молдавию, Галицию, Силезию и Моравию. Нальчик, 2008. С. 9.

³⁸ Бэлл Дж. Дневник пребывания в Черкесии в течение 1837—1839 годов. В 2 т. Нальчик, 2007. Т. 1. С. 6.

³⁹ РГВИА, ф. 846, оп. 16, д. 6164, ч. 96, л. 79 об.—80.

⁴⁰ ОР РГБ, ф. 169, карт. 51, д. 23, л. 3.

⁴¹ РГВИА, ф. 482, оп. 1, д. 118, л. 27.

корыстного, великодушного стремления метрополии к благу и пользе нового своего приёмыша»⁴².

Однако работа Милютина прервалась в самом начале. В годы Крымской войны ему пришлось сосредоточиться на исполнении особых поручений нового военного министра кн. В.А. Долгорукова. Летом 1856 г., покинув Военную академию и отойдя от дел министерства, он собирался вернуться к отложенному исследованию, но уже осенью последовало его назначение исправляющим должность начальника штаба войск на Кавказе. В итоге их с Бушеном деятельность свелась к созданию обширной коллекции документов⁴³, которой впоследствии пользовалось несколько поколений кавказоведов.

А первыми популяризаторами истории Кавказской войны в России оказались полковники Д.И. Романовский и Р.А. Фадеев⁴⁴. По словам современника, они «объясняли нам её смысл, её значение, объяснили каких целей мы старались достигнуть на Кавказе, почему это было для нас нужно, рассказывали, как, в чём именно и почему мы ошиблись, как с исправлением ошибок пошло успешно дело, как покорён, наконец, Кавказ, какая нам от этого польза»⁴⁵. Впрочем, в их произведениях освещались преимущественно трудности, которые пришлось преодолеть российской армии, тогда как сведения географического, этнографического и социально-экономического характера носили вспомогательный характер. В 1866 г. к составлению многотомной «Истории войны и владычества русских на Кавказе» по поручению наместника вел. кн. Михаила Николаевича приступил Н.Ф. Дубровин, получивший доступ во все архивы⁴⁶.

В целом, изучение Северного Кавказа «с точки зрения военной», вызванное задачами текущей политики, было направлено не столько на покорение, сколько на интеграцию края в состав империи. Идея его постепенного включения в экономическое, политическое и культурное пространство России с конца 1840-х гг. доминировала в умах военной элиты и определяла действия кн. М.С. Воронцова, а затем и кн. А.И. Барятинского, носившие созидательный и гуманистического по своей сути характер. Вместе с тем участие армии в интеллектуальном освоении Кавказа привело к появлению феномена офицера-исследователя, успешно сочетавшего службу с научной работой и страстью к знаниям.

⁴² ОР РГБ, ф. 169, карт. 81, д. 1, л. 2.

⁴³ РГВИА, ф. 846, оп. 16, д. 6164, ч. 1—104.

⁴⁴ Кавказ и Кавказская война: Публичные лекции, читанные в зале Пассаж в 1860 году Генерального штаба полковником Д.И. Романовским. СПб., 1860; *Фадеев Р.А.* Шестьдесят лет Кавказской войны. Тифлис, 1860.

⁴⁵ Шестьдесят лет Кавказской войны Р. Фадеева // Отечественные записки. 1860. Т. 130. С. 97.

⁴⁶ РГВИА, ф. 401, оп. 2, 1866 г., д. 105, л. 1—12; *Дубровин Н.Ф.* История войны и владычества русских на Кавказе. В 6 т. СПб., 1871—1888.